

ПОД ТЕНЬЮ
ТВОЕГО КРЫЛА
Возвращение
НАТАЛЬЯ ЮРАЙ 18+

Наталья Юрай

Под тенью твоего крыла. Возвращение

<https://litres.ru/73955899>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пережив головокружительное приключение на острове Золотого Восхода, Настя оказывается дома и пытается восстановить душевное равновесие, выстоять, пережить окончательную разлуку с любимым мужчиной. Однако вскоре рядом оказывается человек, которого меньше всего молодая женщина готова назвать мужем или даже просто бойфрендом, но во имя будущей жизни приходится опираться на "сильное плечо", подставленное в сложный момент.

И вот всё, казалось, устаканилось, налаживается комфортная жизнь, пусть и полная недомолвок. Но однажды зимней ночью два путника постучатся в дверь, заставляя Анастасию опять принимать судьбоносное решение.

Так как же поступит сбежавшая королева? Вернётся ли к тому, без кого жизнь никогда не будет полной?

Автор напоминает, что возрастное ограничение 18 + вовсе не означает наличие в тексте эротических сцен. Употребление алкоголя и курение без осуждения автором, описание катастроф,

раны и телесные повреждения — все это попадает под возрастной ценз.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	43
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Наталья Юрай

Под тенью твоего крыла. Возвращение

ПРОЛОГ

Я заходила в старый офис с замиранием сердца, крепко хватаясь за перила широкой лестницы. Совершенно нехотели вспомниться каменные лестницы Драгны, Матео и моё возвращение домой...

Собака успокоилась и принялась совать свой любопытный нос во все уголки квартиры. Я отупело наблюдала за волкодавихой, не в силах пошевелить конечностями или что-то сказать. Не помню, сколько просидела вот так, но вскоре пришлось вставать – очень хотелось пить. Да и покинутое жилище осмотреть не мешало бы: поплакать над погибшими комнатными цветами, нарисовать сердечко на слое пыли, скатертью лежавшем на всех поверхностях, проветрить, наконец. Возвращение в свой мир из другой реальности, где я стала женой дракона и королевой, было стремительным и пока не пережитым до конца. Кухонный кран харкнул в меня ржавой субстанцией с отвратительным запахом окислившегося железа. Пришлось подождать, пока не потечет чистая

вода, вкус которой оказался ужасным. Меня передёрнуло от отвращения, но зато я смогу принять ванну!

Спустя час, одетая в старые джинсовые шорты и заношенную майку, я усердно стирала следы запустения с мебели и полов. Ларка хотела есть, да и в моём желудке назревала маленькая голодная революция, поэтому на плите побулькивала гречка и попыхивала паром кастрюля с заветревшимися в морозилке куриными голяшками, присыпанными перловкой и пшёнкой в равных пропорциях. Кто знает, чем кормят этих королевских волкодавов в наши дни?

Из-под журналов, сложенных в неровную стопку у дивана, показался сотовый. Долго вертела его в руках, прежде чем подключить к зарядке и запустить операционку. Не успело исчезнуть с экрана белоснежное HELLO, как без перерыва посыпались уведомления из мессенджеров, соцсетей и простые эсэмэски. Накрыть телефон подушкой было хорошим решением, и я со спокойной совестью продолжила уборку.

К вечеру сытая Ларка попросилась на улицу хорошо знакомым ультразвуком, и мы отправились посмотреть на мир и оставить в нём свои следы. Вот только кроме ошейника с кисточкой из собачьей амуниции у меня в хозяйстве не было ничего. Пришлось вытаскивать из шлёвок пояс от старого плаща.

— Настюша! – соседка с третьего этажа округлила очи, разглядывая Ларку. – Давно тебя не было видно!

— В командировке была, тётъ Люд!

— Ну да, ну да... Смотрю, дворняжечку пригрела?

— Да, так поучилось.

— Ну да, ну да...

Мы поулыбались друг другу и разошлись, но моё, отдохнувшее от бесконечного шума цивилизации ухо уловило ворчание по поводу блох, собачьего дерьма и вони.

С возвращением, Анастасия Михайлова, будь как дома!

Рядом с нашей многоэтажкой, на мое счастье, располагался дурацкий пустырь, давно облюбованный алкоголиками и подростками. Огромное количество стёкол окурков и шприцев могло бы ужаснуть, но было привычным, как и заросли бурьяна. Сейчас зелёная трава, которая летом ещё как-то скрывала убогость ландшафта, пожухла и пожелтела, но мне не было дела до красот. Собака сделала свои дела, и мы вернулись домой. Ларка, удивленная новой реальностью, вела себя спокойно, не скакала, как прежде, не прыгала, но зрело подозрение, что период адаптации будет коротким. Нужно было организовать какое-никакое собачье место, но на это уже не было сил, я рухнула в кровать и принялась изучать переполненный сообщениями телефон.

Утром первым делом набрала родителей и сообщила о своём возвращении «из командировки». Выслушала упрёки и обиженное фырканье, постояла перед окном, осмысливая внезапно раздавшиеся в трубке короткие гудки. Ну, я хотя бы попыталась.

— Лариска, привет!

— Анастейша! Гадина такая! Ты вернулась?!

— Ага!

— Щас буду. Придушу на месте. Еда есть?

— Нет!

— Понял!

Моя боевая подруга никогда не подводила! Явилась с полным пакетом из супермаркета.

— И биться сердце перестало! Михайлова, колись! Пластику сделала?

— Я тоже по тебе сильно соскучилась, Ларочка! – мне нравился аромат подружкиных духов, он возвращал на грешную землю и избавлял от никчемных иллюзий.

— погоди! – Лариска потащила меня к шкафу-купе, в котором третьей створкой работало огромное зеркало. – Ты только посмотри на себя! Как из Голливуда!

Впервые после возвращения я внимательно рассматривала сама себя. И правда, тело стало суше, сильнее, заметно стройнее и... сексуальнее что ли. Овал лица приобрёл чёткий контур, а глаза притягательную глубину.

— Не поверишь, но ничего не делала, Ларис!

— Как же, а грудь? У тебя какой был? Второй еле заметный? А теперь? Это ж просто неприлично даже, Михайлова. И как натурально выглядит, зараза, а!?

— И правда, а я как-то и не заметила.

— Что это? – вдруг взвизгнула подружка, тыкая указательным пальцем в заспанную волкодавицу.

– Собака. Волкодав. Королевский.

— Всё! – Лариска даже ногой притопнула от досады. – Поздравляю тебе с переходом в категорию старых дев! Теперь еще котика заведи и кресло-качалку. Эх, Анастейша, пойдём оплачем твою долю!

Глава 1

Итак, я заходила в старый офис с замиранием сердца, крепко хватаясь за перила широкой лестницы. В какой момент поведать сынку генерального о своём положении? Сейчас или когда живот будет заметен?

Сообщение с предложением вернуться на работу в прежней должности оказалось настолько неожиданным, что пришлось перечитать текст несколько раз, прежде чем окончательно поверить в его реальность. Писала личная помощница генерального, прозрачно намекавшая на повышение оклада. Спихватились, сволочи! Я стерла сообщение из памяти телефона, и сама постаралась о нём забыть. В один из дней, наполненных ничегонеделаньем и поглощением пропущенной из-за пребывания на острове информации, меня вывернуло наизнанку прямо на ковёр. Странные боли в животе доносили даже ночью, и, напуганная происходящим, я позвонила Лариске, которая всё ещё дулась из-за моего нежелания делиться подробностями командировки.

— Мать, беги в поликлинику, чего гадать-то! Жрёшь что попало, вдруг гастрит или, тьфу-тьфу-тьфу, язва? Молочка выпей и спать ложись, а утром сразу в такси и по врачам.

Но утром я позвонила матери. Симптомы, описанные в красках, вызвали у родительницы ужас, тут же передавшийся мне. Были забыты обиды, воцарился хрупкий мир, слегка

подпорченный материнским кликушеством. Уверенная, что ношу в себе опухоль, я выпросила денег у Лариски и рванула за медпомощью. В итоге трехдневного забега по кабинетам, я узнала правду у гинеколога. Беременность была воспринята родителями как благословение небес, а подругой как окончательная потеря мною шансов на личную жизнь. Встал во всей очевидной важности вопрос о работе и деньгах. И тут я вспомнила про удалённое сообщение. Но прежде состоялся семейный совет, в состав которого втиснулась и Лариска. Главных вопросов в повестке значилось четыре.

— Кто он? Кто этот негодяй? – хватаясь за грудь и стискивая в кулак ткань клетчатой рубахи вопрошал отец.

— Мой коллега, иностранец, – врала я, потупив глаза в стиле тургеневской барышни. – Замечательный человек, но вряд ли мы сможем с ним вновь встретиться.

— Где ты была? – сузив глаза шипела Лариска. – Почему вернулась без денег? Кинули?

— Ага! – тут же согласилась я. – Криминальная оказалась история, так что взыскивать не с кого. Но, чтобы не подвергать вас всех опасности, рассказать, как, где и что, я не могу. Андестенд?

— Иес-с-с-с! – продолжала шипеть подруга. – А собаку где взяла?

— Увязалась!

— Врёш-ш-ш-шь! – наманикюренные пальцы отбили зловещий ритм на кухонном столе. – Я погуглила, это поро-

дистая блоховозка. Две с половиной моих зарплаты, если без документов. Ирландский волкодав называется. Сечёшь мысль, Михайлова?

— Неа.

— Зачем тебе сейчас собака, доченька? Ларисочка права! Продать нужно кому-нибудь. Деньги опять же.

Ларисочка поперхнулась чаем, услышав уменьшительно-ласкательные интонации в голосе моей матери. Подобное на нашей памяти случалось раза два-три и не предвещало ничего хорошего. Но да. Два младенца и волкодавуха, которая уже сравнялась холкой с моим коленом, – такая себе комбинация, не поспоришь.

— Значит так! – я смело взглянула в глаза отцу, и он подобрался как перед дракой. – Собаку не отдам, детей подниму. Рассчитываю на вашу помощь, а не на осуждение. Вы хотели внуков – получайте! Но на моих условиях.

— А как же с работой? – шмыгнула носом мать.

— С работой будет всё хорошо. Меня зовут на старое место, я соглашусь. Главное, продержаться пару месяцев, а там преподнесу детскую неожиданность, так сказать. Заслужили.

— Я, Настасья, так тебе скажу! – отец встал и положил руку мне на плечо. – Не чаял уже внуков дожидаться, но раз так вышло, то, считай, и отцом, и дедом им буду. Сила во мне есть, здоровье пока не подводило. Дачу отремонтируем, и будет малышам летом раздолье

И вот теперь я стою перед приёмной, но не робею, нет.

Шаг вперёд, и секретарь Гузель вскидывает бровь, ощупывает взглядом. Что, стерва, удивляешься переменам?

— Добрый день!

— Добрый, Анастасия, проходите к Антону Романовичу, он ждёт вас.

Знакомый кабинет со светлыми кожаными креслами вокруг длинного овального стола. Сын генерального с места не встаёт, лишь разворачивается в сторону двери.

— Проходите, садитесь, Анастасия.

— Спасибо.

Осознание того, что от этого никчёмного хлыща зависит моё благосостояние, больше не давило. Невероятные драконьи крылья уже распахнулись за спиной, защищая и придавая смелости.

— Я рад, что вы откликнулись на приглашение, хотя уже перестал ждать ответа. Отчего вдруг передумали?

— Захотелось отдохнуть от предыдущего проекта.

— Хм. Что-то грандиозное?

— А вы знаете - да! Заграница, другие подходы, жёсткие условия. Нечеловечески обаятельный руководитель. Очень требовательный.

— Заграница конкретно где?

— Думаю, с вас будет достаточно, если скажу, что работала на острове, – а сынок-то непробиваемый, да и я что-то ударилась в похвальбу, пора заканчивать и выдвигать ультиматум.

— Сурово. Ну, да ладно. Начну с главного: к нам обратилась компания, с которой вы уже несколько раз работали, однако ни один из предложенных креаторов им не подошёл. Мы практически теряем клиента с миллионным контрактом только из-за того, что он хочет работать с вами, Анастасия.

— Ну, это не мои проблемы, а ваши. Если компания обратится ко мне напрямую, то я не откажусь сотрудничать. Помнится, на ваш взгляд, для такой работы в стенах вашего офиса у меня было маловато опыта и желания расти. И с дисциплиной не очень, так ведь?

Антон Романович крутанулся из стороны в сторону в своём кресле с высокой спинкой и слегка нахмурился.

— Я готов принести вам свои извинения, Анастасия.

— Готовы или приносите?

— А вы цепкая.

— Какая есть.

— Тогда я приношу вам свои извинения.

— Не принимаю.

— Цена вопроса?

Я сделала вид, что подсчитываю в уме сумму.

— Оклад до увольнения в тройном размере и должность руководителя проекта с личным кабинетом и набранной мною командой.

Наследничек генерального слегка крякнул, покрутил в длинных загорелых пальцах кохиновский карандаш и кивнул:

— Договорились! — потом резко качнулся ко мне. — Но вы же понимаете, что в случае неудачи

— У меня не бывает неудач. Ну, кроме знакомства с вами, разумеется. Всего хорошего, Антон Романович. На работу я выхожу с понедельника и жду на карту, данные которой всё ещё есть в бухгалтерии, аванс в размере трети оклада. Нужно сменить гардероб, знаете ли.

Таксист посматривал на меня в зеркало заднего вида.

— Девушка, вы себя хорошо чувствуете?

— Вы не поверите, но просто отлично!

Драконья кровь бурлила во мне наравне с восторгом. Я больше не серая мышь, на которой все привыкли отыгрываться!

Между косяком и дверью был втиснут аккуратно сложенный вчетверо лист из школьной тетради.

— Заткни свою собаку! — прочла я вслух. — Она воет весь день!

Вздохнув, повернула ключ и услышала громоподобный лай с повизгиванием. Ларка страшно скучала по мне. Ей не хватало прошлой вольницы и двух выгулов: в коридоре уже подсыхала огромная лужа.

— Вот кто ты после этого, собака? — вздохнула непутёвая хозяйка и, быстро сменив костюм на свитер, куртку и джинсы, повела серую нескладёху на улицу.

Вокруг зарослей репейника с весёлым лаем носился белый бультерьер с единственным черным пятном—моноклем

на глазу.

— Жора, ко мне! — спокойно, но твёрдо произнесла худощавая женщина лет сорока пяти, и упитанный болид понёсся к ногам хозяйки.

— Как вам удаётся? — мне было стыдно за свое лохматое чудо, которое рвалось с нового брезентового поводка во все стороны.

— Вам бы на площадку.

— Куда?

— На дрессировочную площадку. Хотите, дам номер кинолога?

— Хочу. Меня, кстати, Настя зовут.

— Очень приятно, а я Елена.

Домой я уходила с забитым в память телефона номером некой Татьяны, которая «всё вам по полочкам разложит и всему научит!». Уже у подъезда пикинула эсэмэска, и банк радостно сообщил о пополнении счёта на весьма обнадеживающую сумму. Что ж, теперь нам и кинолог по карману!

И вот субботним утром я потащила в ближайший парк на специальную площадку, которую, как мне рассказала Елена, местные собаколюбители выбили у мэра города. Татьяна оказалась дамой пенсионного возраста в спортивной экипировке и поясной сумкой поверх куртки. Вокруг неё столпились еще человек пять, внимательно слушавших наставления мастера. Один из них вдруг как-то нелепо дёрнулся в сторону, и я увидела, что на другом конце тонкого поводка

буксирует хозяина гламурный йоркширский терьер со смешным хвостиком на макушке. Мужчина охнул и упрекнул пёсика:

— Генри, ты что?

Я еще раз напомнила себе никогда не покупать лотерейные билеты, потому что с везением полный швах: прямо передо мной высился во весь свой модельный рост Антон Романович Ковалевский, непосредственный начальник некогда королевы Анастасии Михайловой.

Пикантности моменту добавляла разность весовых категорий наших питомцев. Ларка легко могла перекусить задорного терьера пополам.

— Какая у вас занимательная собачка! – протянул сынок генерального, машинально пытаясь подтянуть своего упрямого питомца поближе.

Но йорк уже попал под очарование волкодавихи и пёр на неё с уверенностью молодого Бреда Питта.

— Ой, а у вас тоже, оказывается, есть пёс! – не удержалась и съязвила я. – Какой миниатюрный!

Лицо Антона Романовича оскорблённо застыло.

— Так, товарищи! – громогласно объявила кинолог Татьяна. – Построились! Будем знакомиться с новенькими.

Ларка обомлела от командных ноток зычного женского голоса и плюхнулась на попу.

Указательный палец вычерчивал невидимые буквы на

мощной груди. Матео следил за моей рукой как кот за мышью. Хотелось нарисовать его вот такого – исполненного внутренней силы, но умиротворённого.

— Что написала?

— Люблю.

Голова кружилась от близости, и между нами накалялся воздух. Мы горели

Мокрый холодный нос Матео ткнулся в шею. Странное и непривычное ощущение. С трудом открыла глаза – мохнатая морда нависала прямо над головой.

— Что? — спросила я Ларку и тут же вскочила: из кухни тянуло сгоревшими макаронами. Волкодавixa спасла нас от пожара. – Собака, с меня кусок говядины!

Побежав с мокрым полотенцем в дымном помещении, устало опустилась на стул, придвинутый прямо к распахнутому окну. Хотелось охладить голову и тело. Сон час назад сморил меня неожиданно, и, если бы не Ларка, последствия недосмотра были бы куда серьёзнее.

— Знаешь, я так скучаю по нему! – внимательные собачьи глаза, казалось, выражали понимание и поддержку. – Наверное, так же, как и ты по Рори.

Ларка вскинула голову и наострила уши. Помнит! Тоскует.

Тоска – вот верное слово.

Зелёная, тягучая, высасывающая энергию. Невыносимо

было даже представить, что я больше не увижу мужа, что никогда он не коснётся мозолистой ладонью – рука воина не может быть иной – моей кожи. Страшно было просыпаться ночью оттого, что тело, привыкшее прижиматься к горячей спине, натывается на пустоту. Что бы я ни делала, ожидание прикосновений было сильнее разума.

А дети? Что я скажу им, когда они поинтересуются отцом? Врать про летчика-испытателя? Ногам стало тепло – Ларка улеглась сверху, вытянув лапы. Она вообще ходила хвостом за мной, нетерпеливо поскуливая у ванны и туалета, как будто хозяйка могла из них никогда не выйти. И я благодарна была собаке за то, что она связывала в единое целое две столь разные реальности и не давала сойти с ума.

Кинолог Татьяна хвалила волкодавицу, хотя и удивлялась выбору породы.

— Исторический фильмов посмотрелись, да? – спросила она как-то с улыбкой. – Любят волкодавов снимать в подобном антураже. Органично смотрятся, особенно рядом со средневековыми рыцарями.

— Нет, мне её подарили.

— Обалдеть! Это у кого же ума хватило в качестве презента преподнести щенка?

— У любимого мужчины.

— И он всё ещё любим? – усмехнулась кинолог.

— Да, – сдавленно ответила я и перевела разговор на тему подбора правильного корма.

Собака неожиданно радовала послушанием, сообразительностью и какой-то интеллигентностью, которой я уж никак не ожидала увидеть в этой разгильдяйке. Моя бородатая девушка являла миру истинно королевскую натуру. И даже печальный вой перестал оглашать подъезд, больше не пугая домохозяек и пенсионерок. Девочка росла.

К моему удивлению, Антон Романович старался на площадке не оказывать излишнего внимания, хотя я не раз замечала на себе его внимательный взгляд как во время дрессировки, так и на работе. А трудиться приходилось много: проект был и вправду впечатляющим. Мы разрабатывали брендбук и легенду для новой производственной фирмы, придумывали фирменные фишки, слоганы и оформление сайта и соцсетей. Мне нравилось наблюдать, с каким увлечением работает моя команда. К сожалению, не удалось вернуть тех, кто сделал бы её гораздо сильнее, но людей винить не имело смысла, все они давно устроились на новых местах и освоились.

Зима уже полностью вступила в свои права, и Лариска потащила меня закупаться одеждой – фигура начинала меняться и живот уже округлился, не давая надевать любимые джинсы и юбки-карандаши.

Немного нервничая от того, что совсем скоро придётся сделать заявление о беременности, я, тем не менее, понимала необходимость продолжать работу до её завершения. Расширенный семейный совет постановил, что если трудо-

вая деятельность не будет наносить урон здоровью, то можно трудиться до самых последних сроков. И всё же пора было найти правильные слова для признания начальству.

Как-то повелось, что сын генерального стал присутствовать сначала на утренних летучках, потом всё чаще заглядывать во время рабочего дня. Более тесное общение показало, что мужик он образованный, начитанный, с чувством юмора. Его надменность и безапелляционность больше не напрягали, потому как демонстрировались всё реже и реже.

В один из дней мы собрались над финальной раскладкой проекта. Клиент, хоть и весьма лояльно настроенный, и довольный работой, торопился закончить всё к Новому году. Дедлайн немного пугал, но делать было нечего.

— Вот именно про эти элементы заказчик говорил в прошлый раз, – Антон Романович подпёр подбородок ладонью. – Но я не вижу изменений.

— Ну вот же! – горячился дизайнер Руслан, его творческая душа кипела возмущением. – Если спрямить линию, то элемент выбьется из стиля. А мы придерживаемся концепции!

— Постараюсь уладить этот вопрос! – я не помню, какая по счёту кружка с кофе приятно грела руки. – Не хотелось бы сейчас менять шрифты, ведь старые согласованные материалы будут смотреться уже не так органично. И потом... Ой! – вскрикнула я громко, испугав всех присутствующих.

— Обожглась? – подскочил с места начальник и тут же

осёкся.

Моя ладонь, судорожно лёгшая на живот, выглядела недвусмысленно.

— Толкаются! Первый раз, представляете?

Лица коллег выражали смятение. Вот он – тот самый момент!

— Да, я беременна. И нет, я не уйду в декрет, не сдав проект. Но вы правы, держать столь важную информацию в секрете было немного свинством.

Ковалевский гневно сверкал глазами, но совершенно ровным тоном произнёс:

— Могу я переговорить с вами в кабинете?

— Ребят, не собираюсь вас бросать, клянусь! Ничего не бойтесь! – не очень убедительно поговорила я, прежде чем толкнуть дверь. Ну, Михайлова, держись!

— Настя! – на короткое имя шеф перешел в момент, когда Генри пытался показать Ларке, что рост – собачьей любви не помеха, и подобное обращение вошло в обиход естественно и без отторжения. – С сегодняшнего дня вы не будете задерживаться на работе сверхурочно.

— Вот ещё!

— Не дерзите! В вашем положении утруждаться вредно.

— Откуда вам знать, вы в моём положении не были!

— Не был, – начальник стоял почему-то спиной ко мне. – Но два раза просить не стану.

— Беременность протекает нормально дети в порядке

— Дети? – и вот тут Антон Романович развернулся. – Их несколько что ли?

— Невероятно, правда? – фыркнула я. – Двое.

— Поздравляю! Отец, должно быть, счастлив!

— Спасибо!

Не на того нарвалась, Ковалевский зацепился взглядом и сразу понял, что единственный радостный отец – мой собственный. Нужно работать над мимикой.

— Погодите Так вы что одна будете воспи

— Не ваше дело! Это мой выбор, мои дети Ой, опять! – в животе происходила борьба нанайских мальчиков, и толчки были заметны даже через просторный свитер грубой вязки. – Простите!

— А можно я – голос Антона Романовича внезапно осип, и мужчина потёр ладонью о ладонь. – Если вы не против, конечно.

— Знаете, мне неловко отказывать, но, пожалуй, не стоит.

— Да, простите, глупо получилось.

— Согласна. Если вы не собираетесь еще какие-то замечания делать, то я пойду?

— Конечно, – щёголь сдулся и выглядел сейчас несколько сконфуженно.

Минуя пустую приёмную, я никак не могла взять в толк, что с этим барчуком не так. Что за странный интерес к моему животу.

— Настя! – Ковалевский выскочил в коридор, схватив-

шись рукой за косяк, чтобы не сбить меня с ног.

— Блин, вы хотите, чтобы я родила прямо сейчас?

— Напугал? Я только хотел предложить вам.

— Что?

— Подвозить до дома.

— Давайте расставим точки над ё. Вы же не извращенец?

Вас же не тянет на беременных?

Антон Романович нервно хохотнул:

— Нет! Просто хотел помочь.

— Не нужно. Вы уже тратитесь на меня достаточно, чтоб я могла вызывать такси каждый день.

Глава 2

Лариска то и дело дёргала меня за рукав:

— Слышь, Михайлова, а он женат?

— Насть, а ему сколько лет?

— А вдруг он детей иметь не может и мечтает жениться на такой как ты – с готовыми наследниками, а?

Подозрение, что на руке появятся синяки всё усиливалось, как и раздражение.

— Перестань! Мне нет дела до его планов и тайных желаний. Он просто мой на-чаль-ник! Так понятно?

— Мне понятно, что ты дура, Михайлова! В кои-то веки на тебя обратил внимание молодой и богатый мужик, а ты нос воротишь! – подружка надула губы и откинулась на спинку сиденья, но обида, по традиции, длилась секунд пятнадцать. – И вообще, бесит твоя привычка говорить по слогам! – Лариска еще немного пообижалась, но не выдержала: – А где сам генеральный? Еще не приехал?

— Думаю, что он и не планировал возвращаться. Они с молодой женой живут себе спокойно в своём уютном домике. Денег полно, бизнес разнообразный – от шмоток до авто-салона и санатория где-то на черноморском берегу. Все яйца в одну корзину он складывать не стал.

— Мудро! – протянула Лариса. – А сыночка, значит, лямку в вашем агентстве тянет. Санаторий ему, как я понимаю,

доверять не стали.

— Знаешь, он, в принципе, нормальный парень. Компанейский даже.

— О, да! Этот самый компанейский парень, что тебя с работы вышвырнул.

Возразить было нечего, да и некогда: мы подъезжали к большому торговому центру, в который подруга везла меня покупать новую обувь на зиму. После работы хотелось домой, но Лариска была права - ноги слегка опухали и нужны были сапоги пошире и поустойчивее. Мы брели по галерее, совершенно синхронно обращая внимание на одинаковые модели. Так долго дружили, что успели хорошо изучить вкусы друг друга.

— Смотри! – Лариска указывала на пару, которая стояла в уголке, грустно свесив голенища. – Оно самое, да?

Замшевые коричневые сапоги на полуспортивной высокой подошве с тракторным рисунком выглядели очень впечатляюще, как, впрочем, и цена, разглядев которую, подруга громко присвистнула:

— Да чтоб им такие платёжки за квартиру приносили, иродам!

— Могу себе позволить.

Кому из женщин не знакомо выбивающее холодный пот чувство, когда при примерке молния на сапоге катастрофически заедает на середине, и бегунок намертво замирает на одном месте? Лариска пыхтела, тихо материлась, но испра-

вить ситуацию никак не могла.

— Тут нужна мужская сила! — знакомый голос эхом отдался в голове. — Позвольте? — загорелые пальцы потянули язычок замка чуть вверх, а затем вниз, и молния раскрылась до конца.

Антон Ковалевский распрямлял свои плечи, закрывая мне вид на хитро подмигивающую Лариску, выразительно тыкающую в спину моего начальника указательным пальцем.

— Вы следили за нами?

— Нет. Совпадение, не более!

— С трудом верится в подобные совпадения.

— Берёте?

— Что?

— Сапоги.

— А вам какое дело?

— Понял, удаляюсь! Милая дама, позвольте откланяться! — сынок генерального мило улыбнулся Лариске и направился к выходу из обувного магазина.

— Михайлова, зуб пацана — он на тебя запал!

Странное чувство надвигающейся опасности давило на затылок, но я никак не могла взять в толк, что конкретно мне может грозить. Передалось ли мне от мужа драконье чутьё или беременность обострила все чувства? Или это гормоны так шутят? Дальнейшее происходило в густеющем тумане: щебет Лариски, ведущей меня к кассе, шуршание большого

фирменного пакета в её руках, экран смартфона, на котором высвечивался номер такси и всё. Темнота.

— Я её гинеколог! – ещё один знакомый голос заполнял пространство вокруг. – Что случилось?

Опять провал, а потом уже знакомый холодок от геля – мой живот изучали на УЗИ. Открыв глаза, я заметила бледную Ирину Борисовну, стоящую за плечом женщины-диагноста.

— Коллега? – врач указывала на экран монитора.

— Да, вижу, – глухо ответила мой гинеколог. – Не могли бы вы

Женщина-узист понимающе кивнула и поднялась с кресла.

— Пять минут.

— Хорошо!

Я понимала, что упала в обморок, что меня привезли в больницу, но никаких болезненных сигналов организм не посылал.

— Настя, я ведь тебя ждала ещё в понедельник, а сегодня уже четверг! – голос Ирины Борисовны не был обвиняющим. – В твоём положении скрининг очень важен!

— Работы много, закрутилась.

— Да я уже твоему мужу всё высказала. Стоит там весь бледный.

«Какому мужу?» – хотелось мне спросить, но доктор не дала.

— Многоплодная беременность – это всегда риск, понимаешь? Мы с тобой говорили, помнишь? Что существуют риски, что природа может не дать шанса

— Давайте без прелюдий! – сердце сжималось. – Что не так?

— Видишь ли, у одного из детей наблюдается некая патология развития.

— Всё же было хорошо!

— Да, хорошо. Оба ребёнка развивались правильно и в соответствии со сроками.

— Но

— Но у мальчика, – Ирина Борисовна хватанула воздуха, словно собиралась запеть. – Как бы тебе это попонятнее
Словом, у мальчика заметное потемнение в районе грудного отдела позвоночника, очень похожее на опухоль.

— Девочка? – губы дрожали с такой силой, что даже это слово я произнесла с трудом.

— У неё всё хорошо, насколько я могу судить.

— Я из-за этого упала?

— Нет. Нехватка кислорода, скорее всего. Обморок не связан с детьми, просто подруга твоя позвонила, и я примчалась тут же, потребовала сделать УЗИ.

— Спасибо.

Врач молча кивнула, не поднимая глаз.

— Всё предварительно, конечно. Но завтра приезжай в нашу клинику, пожалуйста. Лучше прямо с утра. Договори-

лись?

— Да.

За дверью меня ждали Лариса и Ковалевский, хотя последнего видеть в такую минуту совсем не хотелось.

— Что сказали? — подруга даже пригнулась, чтобы поймать взгляд. — Всё же хорошо, правда?

— Совсем не хочу разговаривать, — передо мной на обшарпанной казённой банкетке лежал фирменный пакет с сапогами. Теперь казалось, что куплены они были совсем в другой жизни.

Ковалевский развёз нас по домам и не лез с расспросами. Лариска настаивала, но я отказалась ночевать с ней и даже пускать к себе на чашечку чая. Поэтому звонок в дверь спустя полчаса после расставания застал меня врасплох.

— Кто?

— Настя, это я! Впустите, пожалуйста!

— Антон Романович, езжайте домой, у меня нет желания общаться.

— Я не уйду.

Вот упрямец! Поразмыслив секунд пятнадцать, я отперла дверь и открыла её перед незванным гостем.

— Говорите, что хотели и убирайтесь!

— Даже кофе не предложите?

Не было сил спорить, проще было прошаркать на кухню, заправить кофеварку и сесть на стул между окном и холодильником. Не хватало честности признаться, что именно

сейчас так нужна была поддержка. Не оханье, не причитания, а просто подставленное плечо. Антон словно прочёл мысли: подошел и присел на корточки напротив. Его ладонь легла на мою, одновременно сжимая беспокойно постукивающие по колену пальцы.

— Всё будет хорошо, вот увидишь! В этой больнице старое оборудование, я узнал. Могут быть ошибки. Завтра поедem к Ирине Борисовне, и она отведёт тебя к другому специалисту. Не нужно сейчас паниковать!

Если меня и удивило то, что начальник, чужой человек, в курсе подробностей моего состояния и знает имя врача, то совсем немного.

— А никто и не паникует!

— Вот и отлично. Давай пить кофе. Где у тебя чашки?

Молодой и весьма привлекательный мужчина хозяйничал на кухне, открывал шкафчики и ящики, находил необходимое, сервировал стол, молчал.

Я прислонилась виском к холодильнику, остужая пылающую голову, и прикрыла глаза. С улицы раздался истошный крик автомобильной сигнализации. Двойной стеклопакет не защищал от уличного шума. Ничто в этой жизни ни от чего не защищает. Никаких гарантий. Никакой безопасности. В одно мгновение судьба делает кульбит и шваркает тебя лицом об асфальт.

— Есть хочешь? Давай сделаю омлет? Или бутерброд?

— Да.

Ковалевский не стал уточнять, с чем именно я согласилась и, аккуратно отодвинув меня от холодильника, залез внутрь. Через несколько минут на белую французскую тарелку из небьющегося стекла лёг профессионально приготовленный сэндвич с яйцом и помидорными кружками.

— Ешь и пей кофе. Я добавил молока и две ложки сахара, как ты любишь.

— Откуда?

— Из сахарницы.

— Знаешь откуда, что две ложки?

Мы совершенно естественно перешли на «ты».

— Наблюдал.

— С какой целью?

Ответное молчание затягивалось, и я решила пошутить:

— Дай угадаю! Батюшка твой изволил переписать завещание на внуков, которых ты ему должен родить?

Вскинув голову, Антон как-то странно, словно обиженно сощурил глаза:

— А если и так, то замуж за меня не пойдёшь?

— Что?

— Что слышала. Выходи за меня замуж!

— Ух, как романтично! Последствия свинки или ты служил на ракетном полигоне?

— Ошибаешься, я могу иметь детей.

— Тогда тебе выставили сроки.

— Ну Да.

— И когда?

— День моего тридцатилетия – 21 мая.

— Какой ты, однако, ушлый, так и вижу, как на пальцах считаешь месяцы.

Антон усмехнулся:

— Угадала, именно на пальцах, – и тут же сменил тему.

– А где твоя собака?

— У родителей пока. Скучаешь?

— Генри скучает.

Еда помогла: мозг ожил и начал быстрее обрабатывать информацию.

— Спокойный цинизм, с которым ты говоришь о важных вещах, меня не страшит, нет, я в ужасе!

— Все кобели на площадке любят твою Ларку. И я сейчас про собаку, конечно.

— Не пытайся сбить мою мысль, Антон.

— Нет ничего ужасного, Насть. Ты же деловой человек, а я предлагаю сделку. Взаимовыгодную.

— Подробнее.

— Ну, если говорить начистоту, то речь идёт не о завещании, а о передаче в мою собственность ряда активов холдинга «Корунд».

— О как! И большие активы зависли над твоим карманом?

— Да. Очень.

— И что от этих баснословных богатств перепадёт мне?

— Я куплю тебе дом, машину, всё для обустройства детской, бытовую технику, мебель, открою счёт на твоё имя. Сумма обсуждаема. Ты не обязана будешь жить со мной, но поддерживать видимость супружеского счастья всё же должна. Когда родятся дети, я готов буду после развода платить алименты.

— Это слишком щедрое предложение. Боюсь представить, какие денежки перепадут тебе.

— Так что ты ответишь?

— Слушай, я фильм такой американский видела, там тоже парень на беременной женился, но все разбилось о ДНК-тест. Комедия, кажется. Так что не ври мне, не поверю, что такие деньжищи твой папаша отдаст, просто поверив на слово. Поэтому давай уже по чесноку, не мотай мои уставшие нервы.

— Не вру. Отец считает, что Не важно. Словом, к тридцати я должен жениться.

— Опа! То есть про детей в уговоре не сказано. Тогда зачем всё вот это? — я с силой поставила кружку с кофе, и напиток выплеснулся на столешницу. — Куда проще выйти на улицу и свистнуть. Уверена, на зов сбегутся все свободные девушки, и поверь, куда более симпатичные, чем я.

Встав со стула, Ковалевский аккуратно вытер стол тряпкой, затем прополоскал её под водой, выжал и развесил на краю раковины. А потом подошел к окну и заложил руки за спину. Отражение в стекле на фоне зимней ночи было стран-

ным – Антон хмурился. Давай, голубчик, придумай новую ложь.

— Пойду, завтра подъеду к девяти, будь готова.

— Сама доеду.

— Ты редкостная упрямица. В девять! Не провожай!

Как бы то ни было, Ковалевский выполнил важную задачу: принимая душ, за туалетным столиком и в кровати, прежде чем заснуть, я думала не о результатах УЗИ, а о том, что скрывает молодой начальник.

Родители, забравшие Ларку к себе, на самом деле пытались привыкнуть к жизни с большим подвижным животным, ведь было очевидно, что после рождения малышей мне будет трудно.

Утром я раскрыла глаза в благословенной тишине, без привычной возни с бородатой мордой. Из зеркала в ванной на меня глянуло слегка опухшее лицо с синими тенями под глазами. Врач больницы скорой медицинской помощи вчера настоятельно рекомендовала больше гулять и выстроить более здоровый рацион.

На часах светились критичные для режима цифры – 7:45. Пора было собрать себя в единое целое, заштукатурить и вывести в люди. Но в живот отчаянно толкались чьи-то локти или коленки, или пятки.

— Ладно, не нужно испытывать мою кожу на прочность, ребята! – казалось, что нежные поглаживания должны успокоить бушующую внутри детвору. – Сейчас я чего-нибудь

сьем!

Изучение внутренностей холодильника повергло в задумчивость: ничего из представленного есть не хотелось. Со всем. И когда я шла открывать дверь утреннему гостю, была почти уверена, что это Ковалевский, и что он организует мне завтрак.

— Доброе утро! Прости, что так рано, – растерянный взгляд Антона Романовича скользил по моим ногам и бёдрам, едва прикрытым заношенной футболкой, оставшейся от мужа. Первого мужа. И вряд ли начальника привлекла заборная надпись «Зенит – чемпион!» – Я вот тут принёс

— Заходи, раз принёс.

— Подумал, что ты, наверное, немного

— Не нужно объяснять, принёс – и хорошо.

Внутри бумажного пакета лежали пара больших ароматных пончиков и стакан с какао.

— М-м-м, пахнет обалденно! Спасибо!

— Тебе, наверное, многие говорили, что ты необыкновенная женщина? – прыгая на одной ноге, Антон пытался снять кроссовок с другой. – Никогда не мог предугадать твою реакцию.

— Нет, ты первый.

Спинной мозг пронзила горячая игла. Коста. Легро говорил мне почти то же самое, но другими словами. Плотноядно улыбнулась тоска и вытянула шею, но я прихлопнула плоскую зелёную голову глотком какао.

— Проходи, пульт от телека на столе.

— Ок.

Я поела и решила принять душ, совершенно забыв, что в гостиной сидит молодой мужчина, сделавший мне вчера брачное предложение. Мужчина решительный и наглый, ворвавшийся в ванную, едва я вскрикнула от боли, ударившись локтем о полотенцесушитель. Вполне ожидаемо глаза его зацепились за татуировку дракона на животе.

— Чёрт Глупо, но я испугался, что ты упала!

В крохотном пространстве было некуда спрятаться, но крепкая мужская грудь наткнулась на выставленные вперёд руки:

— Если мне нужна будет помощь, я попрошу!

Сконфуженный Ковалевский всё оставшееся время до визита к врачу вел себя тихо, попыток сближения не предпринимал, но осадок от сцены в ванной остался неприятный.

— Ну, как спала? – во время разговора со мной Ирина Борисовна отрывисто диктовала медсестре названия анализов и витаминов. – Биохимию!

— Нормально.

— Это хорошо. Ты говорила о шевелениях? Обычно первородящие замечают их гораздо, гораздо позже, а твои малыши уже хулиганят вовсю. Сегодня посмотрим всё досконально и без нервов. ЭКГ, Маш, не забудь!

Меня обмерили, общупали, расспросили о самочувствии

и повели на УЗИ. У кабинета гинеколога, уткнувшись в смартфон последней модели, сидел Ковалевский, и стоило нам выйти, как он тут же подскочил:

— Доброе утро!

— И вам доброе. Редко таких заботливых мужей встретишь в наше время.

— Я не муж!

— Он не муж!

Мы выкрикнули хором, и врач засмеялась:

— Ладно, сами разберётесь, муж или не муж!

Арутюнян, всё так же похожий на молодого Бетховена, был непривычно молчалив, казалось, он вычерчивает на облитом гелем животе загадочный узор; рядом Ирина Борисовна закусила кончик шариковой ручки, напряжённо всматриваясь в экран. В какой-то момент они переглянулись, и я почувствовала, что надежда на благополучный исход скрининга тает как масло на солнцепёке.

— Пожалуйста, не молчите. Мне становится всё страшнее.

Под повернувшимся ко мне узистом скрипнуло старое компьютерное кресло без подлокотников:

— Ты сильная, да, надо быть сильной, – смуглая рука сжала мои пальцы. – У мальчика патология развития. На этом этапе можно даже говорить об очевидном атавизме, хотя я бы не спешил.

— Что за патология, какой атавизм, объясните же!

— Атавизм — это под вопросом. Видишь — хвостик? В дальнейшем он может исчезнуть, и должен, по сути, но пока имеется в наличии. Гораздо серьёзнее опухоль на позвоночнике. Она затрагивает не только сам позвонок, но и ткани вокруг. Редкая форма локализации.

— И что делать? Вырезать можно?

— Вероятно на свете живёт хирург, способный провести операции подобного рода, но я о таком не слышал, — кавказский акцент, придававший речи Арутюняна некую приятную несерьёзность, сейчас исчез. — Здесь нужно обладать талантом и высокоточным оборудованием. Риски слишком велики.

— И что делать?

— Рудик, дальше я сама!

Ирина Борисовна выразительно глянула на коллегу, бодро протараторила:

— Всё объясню в кабинете! Жду! — и быстро вышла.

— Что вы мне посоветуете, доктор? — спросила я заметно погрузневшего врача, пока вытирала живот бумажной салфеткой.

— Взвесить свои возможности, — Арутюнян снова повернулся ко мне. — Можно доходить до конца и родить обоих, но подобная патология почти наверняка приведёт к инвалидизации мальчика. Со стопроцентной вероятностью он не будет ходить или двигать руками. Трудно сейчас сказать.

— Какие у меня варианты?

Молодой Бетховен замотал головой.

— Не могу давать рекомендации, Ирина всё сама тебе расскажет. В твоей ситуации и беременность стала почти чудом. Подумай о том, что можешь вымолить у судьбы. У счастья всегда есть цена, да.

Антон в коридоре не наблюдалось. Похоже, приступ заботы закончился. Ну и бог с ним! Однако вывод оказался преждевременным: Ковалевский сидел в кабинете гинеколога и внимал врачу.

— Настя! – слишком тщательно он прятал глаза. — Подожду снаружи. До свидания, доктор!

— Давайте только без долгих вступлений, – я была резка, но ничего не могла с собой поделать. – Какие варианты?

— Их три, – Ирина Борисовна смотрела на свои руки, перебирающие уголки страниц медицинской книги.

Медсестра Мария замерла в позе ледяной статуи, лишь изредка кидая на меня слишком жалостливые взгляды.

— Мы можем ничего не предпринимать. Оставить всё как есть, а решение ты примешь уже после родов.

— Так.

— Второй путь – прерывание беременности.

— Сразу нет! Третий?

— Селективная редукция. Проще говоря, в живых оставляют лишь один плод. Вероятность удачного исхода операции примерно восемьдесят пять – девяносто процентов. То есть с такой вероятностью ты благополучноносишь и ро-

дишь здоровую крепкую девочку.

— Мне нужно подумать, посоветоваться с родными. Есть же ещё время?

— Настя, я ни в коем случае не хочу давить, но постарайся дать ответ побыстрее.

— Тебе плохо? – стараясь смотреть и на дорогу, и на меня, спросил Ковалевский.

— Да, плохо. Мне нужно решить, убивать ли своё дитя.

— Понимаю

— Да что ты там себе понимаешь? – кричала я на притихшего начальника. – Там, внутри, мой сын! Мой мальчик! Долгожданный! Он толкается, шевелится, живёт.

— Скоро Новый год, смотри, гирлянды развешивают!

— Ты издеваешься?

— Нет. Просто иногда случаются чудеса. Нужно верить, Насть, и не опускать руки!

— Да пошёл ты!

— Отстань ты от своего волкодава! – окрик матери получился немного жалким. – Что делать будем?

Ларка вылизывала мне лицо и руки, соскучилась. Завтра суббота, и нам предстояло отправиться на дрессировочную площадку.

— Воспитывать инвалида – это отречение от себя, ты же понимаешь? – отец отхлёбывал невыносимо горячий чай

из кружки. Старая привычка, которая выдавала внутренний непокой. — Вся жизнь ведь впереди, Настасья!

— Ну, что ты молчишь? — вступила в воспитательную беседу-допрос Лариса.

Я села в кресло, и собака тотчас легла рядом, накрыв лохматой спиной мои ноги в толстых шерстяных носках. За прошедшие часы было передумано многое, но окончательное решение станет сюрпризом для близких людей. Малодушно оттягивая ответ, я пыталась отыскать хотя бы ещё один аргумент в защиту своей позиции, но тщетно.

— Буду рожать обоих!

Глава 3

Со стоном опустив лицо в ладони, мать принялась подвигать и раскачиваться из стороны в сторону, будто оплакивала покойника. Отец молча допил чай и очень осторожно поставил чашку на стол.

— Потом сдавать мальчика в специальный детский дом будет гораздо сложнее, дочь. Всё ж таки уже какой-никакой человек!

— Он такой, какой надо человек, пап. Мой сын, твой внук. И я не собираюсь никуда его сдавать!

Крякнув в кулак, будущий дед моих детей медленно поднялся.

— Ну, тогда вот тебе и моё слово: девчущку берём на себя. Помогать с ней не отказываемся, всё сделаем, чтобы на ноги поднять, выучить. А уж как со вторым сложится – посмотрим. Не двужильные мы, Настя! Твое решение понимаем, но с последствиями разбираться будешь сама! Идём! – он подошел к матери и тронул её за плечо. – Засиделись!

Уже в коридоре, одетый, обиженно буркнул через плечо:

— Передумаешь, позвони. С деньгами поможем, найдём нужного специалиста.

От хлопка входной двери дернулась собачья спина.

— Можно покурю? – дрожащие пальцы Ларисы никак не могли подцепить тонкую сигарету из непочатой пачки. – С

моей работой и так нервов не осталось совсем, а тут еще и у тебя триллер за триллером, подруга.

Она вышла в кухню и закрыла за собой дверь. Зазвонил сотовый. Ларка приподняла голову и выжидательно посмотрела на меня.

— Это Антон. — объяснила я, и волкодавиха улеглась, словно мои слова успокоили её тревогу.

— Алло?

— Настя, как всё прошло?

— Нормально.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально!

— Можно я приеду?

— Нет!

— Хорошо, буду через полчаса.

Настоящий упырь! Он вырастет в отличного руководителя с такой-то волей к победе. Я вытащила ноги из-под собаки и с затаенной надеждой в спасительную скорлупу кресла. Ларка поворчала, но места отдыха не сменила. Что там впереди, никто не знает, но душа моя, истерзанная пережитым, сейчас была относительно спокойна. Из кухни начинало тянуть сигаретным дымом. Раньше мне было бы всё равно, но сейчас запахи воспринимались острее, и пришлось напомнить подруге о новых реалиях:

— Ларис, кончай дымить! Я, если ты не заметила, вроде как беременна!

Волкодавиха подтверждающе заворчала.

— А тебе, блоховозка, никто права голоса не давал! – возмущённая Лариска прошла в ванную помыть руки и вернулась гораздо более спокойной. – Окошко открыла и вытяжку включила.

— Ты тоже считаешь, что я поступаю глупо?

— Настён, врать не буду – да. На мой взгляд, глупо! Сейчас и здорового ребёнка поднять непросто, а больного?

— Думаешь, не справлюсь?

Лариска покачала головой.

— Да разве в этом дело? Видела я матерей детей-инвалидов, знаю, каково им приходится. Жертвенность в нас, российских бабах, на генетическом уровне заложена. Страшно, когда видишь, безнадежность в глазах, а иногда даже ненависть к себе, к ребёнку, к несложившейся жизни, – моя умная подруга закусила губу, прежде чем задать главный вопрос. – Сильно его любила?

— Я жила им, Лар, дышала. Растворялась. Это даже не любовь, не секс, а такая оглушающая близость, что теперь кажется, что у меня отрезали половину сердца, а вторая постоянно кровоточит.

— Ты ведь так и не рассказала ничего о своей загадочной командировке. Почему вы не смогли быть вместе? В наши дни хоть за папуаса выходи замуж. Блин! Он женат что ли? Да?

— Да!

Правду сказала, не соврала. Женат на мне, наполнен моей кровью.

— Не любил?

— Любил, очень.

Потеснив собаку коленом, Лариска уселась на пол перед креслом.

— И?

— Просто мы не можем быть вместе по объективным причинам. Непреодолимые препятствия. И я виновата перед ним. Ну, он так думает, по крайней мере.

Звонок в дверь прервал чуть было не начавшийся монолог подруги, зарычала волкодавиха, с ленцой поднимаясь на ноги и следуя за мной по пятам.

— Спасибо! – я рассматривала белоснежный торт в прозрачной коробке. – Вишню я люблю. По какому поводу?

— Для поднятия настроения.

— Между прочим, – Лариса сложила руки на груди и привалилась плечом к косяку в позе ворчливой жены, – беременным не нужно столько калорий!

— Между прочим, – парировал Антон, – курить в квартире будущей матери недопустимо! Торт йогуртовый, а внутри бананы и яблоки. Поставь лучше чайник! – белоснежные кроссовки аккуратно встали под вешалкой, сложенный вчетверо шарф лёг на комод.

Подруга, заметившая педантичное стремление Ковалевского к порядку, заметно оживилась. Думаю, ей понравилось

и то, с какой заботой Антон Романович принялся хлопотать вокруг меня. В её голове пазлы почти сложились, я видела это по хитрому прищуру. Была лишь одна досадная помеха – мальчик, которого никто не хотел, кроме меня.

Но, когда принимаешь решение, уже не нервничаешь. Я мило болтала, смеялась, с каким-то извращённым удовольствием принимая ухаживания Антона. Потом Ковалевский выгулял собаку, отвёз подругу и вернулся.

— Знаешь, сильно похолодало, – бормотал он, притягивая меня к себе за шею. – Настоящая зима.

Поцелуй не был противным. Умелые губы бывшего любовника теребили мой рот в попытке добиться ответной страсти, но

— Супруга и при жизни была холодна, а уж после смерти и подавно! – процитировала я фразу из известного пошлого английского анекдота.

— Что? – глухо спросил Ковалевский, пытающийся выровнять дыхание.

Никто. Никто не мог больше зажечь огонь в моей крови, но проверить стоило.

— Ничего. Ты хочешь со мной переспать? Да ладно, не тушуйся. Мы же взрослые люди, в конце концов. Говори как есть.

— Настя! – Антон громко сглотнул. – Да, хочу!

— Тогда жду тебя в постели, шагай в душ!

— В смысле?

— В прямом, Ковалевский! Это, может быть, последний мой секс в неудавшейся личной жизни. Постарайся ничего не испортить! И да, секс врач мне разрешила

Спустя полтора часа я уснула, даже не пытаюсь разобраться в случившемся. Теперь мне многое стало понятно, но разговор с Ковалевским оказался слишком серьёзным, чтобы тратить на его анализ и обдумывание священное и неумолимо сокращающееся время сна. Сейчас мой начальник мчался к себе домой, а я посплю. Мне нужно поспать...

Первый луч солнца пробился сквозь мрачные тучи и заскользил по подушке, запутался в кудрявых русых волосах, зажёг отблески света на ресницах. Невозможно было отвести глаз от любимого лица, а Матео спал в своей привычной позе – закинув руки за голову, и не замечал моего пристального взгляда. Так казалось. Вот губы чуть шевельнулись, складываясь в едва заметную улыбку, на щеке появилась ямочка, и голос, от которого трепетало сердце, тихо произнёс:

— *Найду*

Ларка, решившая, что теперь будет спать исключительно у хозяйской кровати, вытянула шею и смотрела с недоумением: всё ещё стряхивая остатки пленительного морока, я сидела и смотрела сквозь собаку. Женщина-психолог, который по взаимозачёту с клиникой читала нам как-то давно лекции, говорила, что в трудные времена нужно придерживаться тактики мелких шагов и деталей. И я зацепилась за деталь

— слегка потрёпанную кисточку на ошейнике волкодавихи. Подумать только, раньше было смешно от приверженности островного народа этому забавному украшательству, а сейчас алые шёлковые нити якорем держали меня на поверхности, не давая утонуть.

— Сейчас пойдём, девочка. Сейчас-сейчас! Ошейник тебе маловат стал. Нужно новый купить!

Ненавижу надевать тёплый комбинезон, в который приходится втискиваться, чтобы выйти в морозное утро. Ненавижу старую вязаную шапку на флисе, перчатки, лестницу, подъездную дверь и всю эту зимнюю сумеречную серость, стеной высящуюся между мною и миром, в котором ходит, дышит, смотрит на окружающих удивительными глазами любимый мужчина. Ларка носилась по сугробам, всё время держа хозяйку в поле зрения, а мне так хотелось кричать во всю мощь лёгких, чтобы пробить время и пространство. Сжала кулаки и попыталась: связки издали лёгкий хрип.

— Вроде выходной, а тут страсти такие. Жизнь допекла? — белый бультерьер Жора уже здоровался с Ларкой, а Елена по-матерински приобняла меня за плечи.

— Заметно?

— За версту. Что стряслось? Что-то с малышами? — спросила соратница по собаководству, и я, нагнувшись, уткнулась в её плечо.

— Если бы ты знала, Лена, как мне тошно! У одного из детей патология, все вокруг требуют, чтобы я его убила, а я

не могу, понимаешь?! Он ведь живой! Мой! Он от Матео! От любимого!

— Поплачь, поплачь, моя хорошая! Поплачь! – терпеливо гладила меня по спине Елена. – Я не тороплюсь никуда. Поплачь.

Через какое-то время подскочила и поднялась на задние лапы волкодавиха, пытающаяся втиснуть морду между телами и выяснить, что с хозяйкой. Она скулила и больно била хвостом по ногам. На удивление быстро высохли слёзы, и отступила боль, терзавшая последние полчаса.

— Ну ты и лошадь, Ларка! – я утерла нос и потрепала собаку за ухо. – Прости, Лен, сама не знаю, как так

— Хотя ты и не спрашивала, вот что тебе скажу: любить идеальных – легко, да и не любовь это – самолюбование, вот мол, какого я люблю, посмотрите-ка, видали? А вот любить того, кто в общие мерки не укладывается, – это осознанный выбор, и потому только на вере держится, а не на жалости к себе и ожидания похвалы, типа: какая молодец, тянет большого ребёнка.

— А во что верить? В бога пока не могу, не созрела ещё. В родных, как оказалось, тоже.

— В то, что всякая жизнь имеет право быть прожитой. Я, конечно, не врач, не психолог, не судья. Овощ родится – будешь ли любить? Честно ответить не мне – себе, а уж если решила, то верь в эту нарождающуюся жизнь! До конца верь, вопреки – верь! Ох, что-то я разболталась!

— Спасибо, Лен! Ты лучше психолога!

— Давай, мамаша, не раскисай! На тебе теперь три живых души – маленький отряд Михайловых!

Отряд. Мне понравилось определение. Да, именно так. Крепость, общность, которую никому не получится разбить, и пусть замок осаждён, мы выстоим!

В понедельник в офисе царила суматоха, предшествующая дедлайну, и моего десятиминутного отсутствия – заскочила за пирожком в буфет – никто не заметил. Команда зависла над большим столом, горячо споря о типографике и стилевом единстве. Я любила такие творческие споры, пусть и разбавленные едкой критикой и ответным жалящим сарказмом.

— Так, из-за чего сегодня сыр-бор?

— Насть, ну вот сама глянь – криво же?

— М-да Лоска не хватает, чуть подправьте вот здесь.

— Не можем! Антон Романович настаивает именно на таком решении.

— Ну мы же не о начальстве должны думать, а о заказчике. Пойду-ка поговорю с Ковалевским. Цветная распечатка есть? Ага, спасибо!

Почему-то при встрече все теперь смотрели на мой живот, будто на нём написано неприличное слово. Гузель, печатающая за компьютером, кивнула на мой вопрос – заходи, мол, но пройдя приёмную и заглянув в кабинет Антона, я наткнулась на холодный, почти злобный взгляд начальника.

— Я занят!

— Естественно, занятость – это присущее руководителям состояние, – на стол веером разлетелись листы с элементами проекта. – Ты не можешь не видеть, как нарушается стиль вот тут!

— Я занят!

— Хорошо, тогда при встрече с клиентом объясню ему, что господин Ковалевский лучше сечёт в чужом бизнесе и, нанимая специалистов, диктует им своё безапелляционное видение. Я тоже занята, знаешь ли, и времени на твои капризы у нас нет. Своим визитом извещаю вас, Антон Романович, что мы исправляем эту часть по своему усмотрению. Счастливо оставаться!

— Стоять!

Конечно, когда такая команда давалась крошке Генри на собачьей площадке, то воспринималась совсем иначе. Сейчас же приказ прозвучал пушечным выстрелом. Драконьи крылья затрепетали и начали раскрываться за спиной, готовясь защитить.

— Ты переходишь границы! Ты дискредитируешь меня перед коллективом!

— Я? Дискредитирую? – пришлось сесть, чтобы не кинуться выцарапывать глаза этому барчуку. – Отдавая глупые распоряжения, ты сам показываешь, как плохо владеешь предметом, Антон!

— Я тогда быстро ушёл

— Да уж!

— Не подумай, что из-за твоих слов или нашего разговора.

— Угу.

— Просто я никому не открывался так полностью, – Ковалевский подкатил кресло и бухнулся напротив. – Теперь, зная всю мою подноготную, ты согласишься?

— Возможно. Но любви от меня ждать будет глупо, и я не заменю твою – договорить не дали.

Гузель ворвалась в кабинет с лицом, предвещающим апокалипсис, не иначе.

— Там Роман Харитонович приехал!

— Отец?

Мы не успели разбежаться по норкам: генеральный, похожий на Никиту Михалкова в «Статском советнике», прошел до середины кабинета и молча уселся в гостевое кресло.

— Вижу, утро у вас начинается весьма романтично! Настя, – пожилой красавец улыбнулся мне, – рад тебя видеть! Но обниматься будем позже, я хотел бы сейчас поговорить с сыном!

Появление Ковалевского-старшего получилось эпичным, но сейчас важнее был дедлайн. Ребята хором, но вполголоса крикнули «ура» на моё сообщение и разбежались по местам. Проект вступил в финальную стадию и буквально через пару дней ляжет перед заказчиком. Волнительно! К обеду заложило поясницу, и я решила пройтись по коридору туда-сю-

да, чтобы обдумать рабочие вопросы и слегка размяться, но была поймана генеральным за рукав:

— Идём-ка, красавица, разговор есть.

Меня втолкнули в переговорную.

— Даже и подумать бы не мог, что в твоей умной голове зреют такие наивные планы!

— Вы о чём, Роман Харитонович?

— Дурочкой не прикидывайся, не идёт тебе.

— И всё же?

— Антон сообщил мне, что вы женитесь.

— А.., так вы об этом!

— Как ты могла подумать, что я позволю?

— Собственно, я и не настаивала, это всё ваш сын, но если...

— Не вали с больной головы на здоровую, Михайлова! Никаких тебе скромных церемоний не будет, поняла? Даже не смей возражать! Торжество пройдёт в нашей усадьбе, а жить будете в малом загородном доме. Приедешь посмотришь, где будет детская, пандус, если нужно, установим.

— Какой пандус?

— Обычный, Настя. Или ты больного ребёнка на руках таскать собираешься?

— Погодите, откуда...

— Девочка, я тебе не только пандус, я тебе работа куплю, помощника, если нужно будет, — Ковалевский порывисто наклонился и обнял меня. — Ты же такой подарок сделала, ми-

лая! Сына вернула! А глаза у него как горят, это же совсем другой человек! Ох, Настасья! – мужчина шутливо погрозил мне пальцем. – Знал бы, давно бы свёл вас вместе!

Я открыла рот, собираясь с мыслями, но генеральный сно-ва обнял:

— Поехал по встречам, а ты думай, по интернету полазь, платье, туфли, что там нужно ещё Давай, давай, не сиди рохлей! Столько дел впереди!

— Да иди ты! – способность Ларисы эмоционально реагировать на события была поистине очаровательной, но при всей любви к подруге, я немного жалела о спонтанной откровенности: не удержит ведь в себе, разболтает родителям!

— Спокойнее, дама! Никто пока замуж не собирается.

— Удивляюсь тебе, Анастейша! Два! Два мужика добровольно берут на себя заботу о тебе и чужих детях, один из которых может родиться...

— Ларис!

— А собака? Эту лошадь ведь тоже Антон будет кормить, не ты!

Я рассмеялась и обняла подругу:

— У меня две Ларки и обе не подарки!

— Обижусь ведь, Михайлова!

— Не могу, притворяться не могу, делать вид, что счастлива. Физически!

— Пора прошлое оставить в прошлом! Ты же говорила,

что с отцом детей уже не встретишься, так чего изводить себя? Сама знаешь, любовь не главное в браке. Сходила же уже разок до ЗАГСа.

— Это не по-людски как-то, не смогу я так.

— Сможешь! О детях подумай, о том, как будешь коляску с двойней выносить на улицу и заносить обратно, протискиваться в узких проходах магазина. Тысяча мелких бытовых проблем тебя зароет с головой. Захлебнёшься же, мать!

Конечно, подруга была права. Я представила себе неудобное пространство ближайшего к дому продуктового и мысленно согласилась с Ларисой. Конечно, права. Любовь и чистый кислород остались там, в волшебном измерении. Матео теперь только снится и никогда не перешагнёт границу между сном и явью. Пора становиться прагматичной и взрослой, Настя. Пора.

Глава 4

Наверное, правильно, что я не стала рассказывать подруге о том вечере, когда решила стебануться над своим начальником. В моем коварном плане значилось всего лишь лёгкое унижение, не знаю, с чего подобное взбрело мне в голову – боялась слишком плотной опеки или удушающего внимания? Не знаю.

Думала, что вид моего заметно выступающего живота вернет парня к реальности, что он осознает – беременная женщина принадлежала другому, была любима другим, а потому привлекательной в полной мере быть не может. И Антон тут же поймет тщетность своих усилий. Но произошло все не так, как планировалось. Бархатный халат соскользнул с моих плеч, и шеф, естественно, первым делом уставился на татуировку. Дракон с асимметричными крыльями выглядел немного комично, но всё ещё впечатляюще. Но вот живот

Ковалевский, завернутый в одно полотенце, был загорел, мускулист и строен. И ничего отталкивающего в его внешности не наблюдалось, напротив, сексуальности было с избытком. Я стянула с его бёдер полотенце и громко, стараясь выглядеть циничной нимфоманкой, удовлетворенно хмыкнула. Арсенал моего планируемого любовника впечатлял. Месяцы воздержания, невыносимая тоска по мужской ласке и понимание того, что Матео уже никогда не прикоснёт-

ся ко мне, вызывали злую решимость отдаться Антону прямо здесь и сейчас, заглушить сосущую пустоту внутри. И мы упали бы в кровать, если бы Ковалевский вдруг не коснулся живота. В этом невинном жесте, но больше в выражении лица я почувствовала страх, боль, отчаяние и то, от чего со-звучно заныло сердце. Одиночество. Бездна.

— Боишься раздавить? Не бойся, я крепкая.

— Чудо! Не верится, что там внутри две маленьких жизни! — Антон уже не рассматривал меня, как сексуальный объект. Он встал на колени и обхватил живот снизу ладонями. — Как ты думаешь, они нас слышат? Слышат, я знаю! Привет, ребят! Меня зовут Антон, и мне не терпится увидеть ваши лица при встрече. У нас тут зима, знаете, скоро Новый год, и мы с мамой обязательно его отметим. Да?

Я сглотнула вставший поперек горла комок и кивнула.

— Ну вот, мама согласна. А вы не против?

И тут случилось странное: сильный толчок справа был ответом.

— Ты почувствовала? — спросил Ковалевский шёпотом, подняв на меня полные слёз глаза. — А?

Несмотря на удивительное умиротворение, исходящее от этого мужчины, я чувствовала не радостное удивление, а озноб. Было в его поведении что-то, на мой взгляд, нездоровое что ли.

— Замёрзла? Давай накину! — Антон подхватил халат и закутал меня.

Странную мы являли картину: голый мужик бережно обнимает беременную бабу. Они сидят на кровати, но ни одной мысли о сексе в их головах больше не осталось.

— Ты больной?

— Что?

— Не понимаю Мы не так долго знакомы, чтобы я могла поверить во внезапно вспыхнувшую любовь. Папы-олигарха у меня нет, дяди-сенатора тоже, про деньги и вовсе молчу. Но ты всеми силами стремишься меня окольцевать. Зачем я тебе? Хочешь вырезать почку? У нас одна группа крови? Что, блин, такое происходит?

Неожиданно Ковалевский встал и вышел в прихожую. Вернулся со своим мегакрутым смартфоном, в котором что-то сосредоточенно искал. Нашел, завис, а потом протянул аппарат мне.

— Смотри!

На экране смеялась, держа руками широкополую соломенную шляпу, милая молодая женщина. На следующей фотографии она прижимала к себе ребёнка с милыми кудряшками и забавным курносым носиком. С третьего кадра красавица в красном купальнике, стоявшая в полный рост на берегу моря, демонстрировала круглый животик. Фотографии были яркими жизнерадостными, но что-то в них меня настораживало всё равно. Эх, Настя, пора лечить паранойю!

— Это Лиза. Моя жена.

— Красивая. Развелись? Тебе двух детей мало что ли?

Антон начал одеваться, но, натянув джинсы, стал нервно вытирать ладони о штанины.

— Мы не поехали в тот год за границу. Решили отдохнуть в Новороссийске, у Лизиной тёти. Всё было прекрасно, Коленька вел себя идеально. У тебя есть выпить?

— Только кофе.

Пришлось подождать, пока начальство найдёт на кухне всё необходимое и заварит бодрящий напиток.

— Мы с Лизой познакомились еще в универе. Но встречаться начали, когда я приехал из Англии. Она вдруг стала такой солнечной, тёплой, и я понял, что не могу без неё дышать. Понимаешь?

Слёзы готовы были уже слететь с моих ресниц, я понимала. Как никто другой.

— В тот день мы решили утром покататься по окрестностям на машине. Нахвататься красивых видов, как говорила жена. Она тогда увлекалась фотографией, я купил ей самую крутую камеру и даже ревновал немного к этой чёрной штуковине. Не знаю, почему решил в тот вечер продегустировать домашнее вино с Лизиным дядькой. И выпили вроде совсем немного, но просидели всю ночь. Знаешь, я всегда был уверен в себе. Всегда. Подумаешь, домашнее вино, что будет-то? За рулём с 16 лет. Картингом занимался три года.

Я почти догадывалась, куда история сейчас свернёт, и боялась финала.

— Выехали рано, пока жары не было. Коленька спал в ав-

токресле, Лиза сидела рядом со мной впереди. Она сердилась из-за запаха выпивки, из-за того, что я толком не выспался. Мы стали ссориться, я отшучивался, — Антон замолчал, а я не торопила, только живот поглаживала успокаивающе.

— Легковушка выскочила из-за поворота так неожиданно, что у меня чуть дрогнула рука. Там серпантин, знаешь, но я накосячил, не справился. Каким-то чудом мы не свалились со склона, машину занесло, и правым крылом её выбило под встречный грузовик. Коленька погиб сразу - кресло не спасло. Мы с Лизой попали в реанимацию и провалялись там достаточно долго. Я даже в коме побывал, представляешь! — Антон криво улыбнулся. — Вину за аварию повесили на меня — алкоголь в крови и нарушение правил. Лизе удалили селезёнку и матку. Полгода мы пытались жить друг с другом, но невозможно строить отношения с женщиной, которая дни и ночи проводит на кладбище у могилы сына и винит во всём тебя. Потом она подала на развод и уехала в Стамбул на работу в известную сеть отелей. Фотографом. Она любила фотографировать всегда. Всё полетело в тартарары. Я лечился, ходил к психологу, даже попытался завести интрижку, но в постели ничего не смог сделать. И начал пить. Уехал на Гоа, а там вообще все дни слились в один тошнотно жаркий дурман. С женщинами ничего не получалось. Наверное, тебе не понять, каково это — не чувствовать себя полноценным. Я постоянно звонил и писал Лизе, она не брала трубку, игно-

рировала любые попытки общения. А потом ответила, что вышла замуж и не хочет больше ничего обо мне знать.

Дальнейшее помню вспышками. Меня спас отец. Он просто вывез меня в Россию. Силой, наверное. Может, я с ним даже дрался, не помню, — прерывисто выдохнув, Ковалевский сделал глоток кофе. — Потом поместил в частную клинику, где мне истыкали все вены капельницами, но я выкарабкался. Не совсем понимая для чего. Коленка снился мне только трезвому, и начались ночные кошмары. Потом я в киоске — ну, знаешь такие, газетные и со всякой всячиной — купил коробочку лезвий, набрал полную ванну воды, сел и не смог. Струсил. Я понимаю, что ты считаешь меня слабаком и, конечно же, права! Слабак. Но снова вмешался отец. Он заставил меня съездить в Новороссийск к Лизиной тётке. Мы много говорили, плакали, и мне правда полегчало. Я снял домик у моря и просто ел, спал и купался. Всё лето. А потом отец приказал возвращаться. Он переводил на меня всю фирму.

— Роман Харитонович — замечательный человек.

— Да. Наверное. Не знаю.

— То есть как?

— Ты не понимаешь и не знаешь всего, у нас с ним всегда были сложные отношения.

— Нормальный он мужик, нам с ним работалось отлично всегда. А ты меня уволил.

— Уволил. Злой был, наверное, мне хотелось перемен и

побыстрее. А потом, когда ты вернулась на работу, я вдруг понял, что реагирую на тебя, на единственную из всех реагирую как мужик. Ты как-то пришла на работу в такой персиковой блузке, не знаю, как это называется, когда вот так — и Антон изобразил, как запахивает одежду на груди. — Нагнулась над столом, и я и я побежал в туалет бегом, прикрываясь папкой. В кабинке представлял, как распахиваю твою блузку и... Смешно, да?

— Да ладно! А я считала, что хуже этой стрёмной блузки ничего нет, и выгляжу я в ней толстой бабой.

— Ты была так красива в тот момент. Что-то говорила, и я не мог перестать смотреть в твои глаза. Передо мной была королева, готовая отбивать атаку неприятеля. И ты будешь смеяться, но я почти видел за твоей спиной огромные крылья. Чушь! — Ковалевский замотал головой. — И всё. С тех пор вот

Рассказ был впечатляющим, но я заставила себя престать сочувствовать.

— Ты же понимаешь, что я не твоя Лиза и никогда ею не буду?

— И не надо!

— Нет, ты именно бывшую жену во мне ищешь, Антош. Езжай-ка домой!

Ковалевский крепко поцеловал меня, молча собрался и очень тихо закрыл за собой дверь

Шло время, капало медленно, пробивая в моей броне кро-

шечные дырочки. Этим субботним утром Антон вёз меня в тот самый малый загородный дом, в котором нам предстояло жить после свадьбы, но мы оба понимали цель уикенда, не решаясь обсудить её или хоть как-то обозначить в разговоре, хотя и видели друг друга голыми.

— Скажи честно, Роман Харитонович знает, что дети от другого мужчины?

— Конечно! – ответил мне слишком весёлый голос, и руки Ковалевского крепче сжали руль, хотя в этот ранний час на трассе было совсем мало машин, а дорога вычищена до асфальта. – Зачем обманывать дедушку?

— И всё же я не понимаю, зачем вам такой геморрой? И, прости, до сих пор не верю в искренность ваших намерений.

Теперь уже официальный мой жених насупился, и мы замолчали на пару километров. Я уже знала, что в той страшной аварии молодые Ковалевские потеряли дочку. Антон даже упоминал имя, которое они с Лизой успели анонсировать родственникам – Ника. И росли бы маленькие Николай и Ника на радость взрослым, а теперь в семью входят чужие дети. Тоже мальчик и девочка, но совсем не равноценная замена.

— Всё будет хорошо, Настя!

— Ну да, ну да.

Машина плавно подъезжала к Светлогорску. Элитный коттеджный посёлок встретил нас шлагбаумом пчелиной раскраски и заспанным лицом охранника. Состоялся обмен дежурными приветствиями, и вот авто уже выруливает на-

лево, а я вытягиваю шею и удивлённо таращу глаза – вопреки новорусским традициям, многие заборы в этом селении богатых и знаменитых были не глухие, а сквозные, кованые, возвышающиеся на каменных фундаментах, и было ощущение, что где-то рядом проходила конкурсная битва кузнецов, которые с каждым разом придумывали всё новые узоры и формы. На фоне снега чугунные узоры смотрелись иллюстрациями к романам о дворянских семьях или поэтической лирике.

— Красиво...

— Да. Публика подобралась хорошая, ты ещё успеешь оценить.

— Ой, смотри! – я неловко крутанулась на месте, чтобы успеть разглядеть забавную скульптуру.

— А! Это дом нашего старосты. Он скульптор, сделавший себе имя на бюстах Ленина и всех членов Политбюро. Доживает свой век в тишине и заботах о нас, – улыбка очень шла Антону и сильно его меняла. – Вот и придумал такую шутку для поднятия жизненного тонуса. Нравится?

— Не то слово! Притормози.

У ворот дома старосты в позе роденовского мыслителя сидел волк из «Ну, погоди!», а перед ним лежала старая, с заломанными полями шляпа. Скульптура была выполнена почти в человеческий рост и вызывала исключительно положительные эмоции.

— А зачем шляпа?

— О, это примета у нас местная такая, рабочая, кстати. Ахон Муртазович – скульптор этот, говорит, что был очень счастлив, когда отливал волка. Считается, что у серого можно просить что-то очень важное всего один раз в год. Загадать желание, бросить монетку и потерять волку нос.

— Сбывается?

— Сбывается! Проверь!

Я пошарила в сумочке и, проклиная век электроники и банковских карт, с трудом отыскала в одном из никчемных кармашков пятирублёвую монету.

Волк задумчиво смотрел на мои сапоги, пока мысль обретала конкретную словесную форму. Монетка, опущенная Антоном, уже утонула в снегу, забившем отлитую из чугуна шляпу по самые края. Я подошла ближе и потёрла серому хищнику большой смешной нос.

— Пожалуйста, исполни! – монетка исчезла в глубине шляпы.

— Эй, ты чего так приуныла? Давай уже поедem, хочу нормально позавтракать!

Если то, что заносчиво высилось передо нами во все свои три этажа, кто-то посмел назвать малым домом, то страшно представить, как должен был выглядеть большой. Но даже не размер поразил меня в первую секунду, а странное чувство предопределённости. Злая ирония судьбы считывалась в этом стилизованном под рыцарский замок особняке. Фальшивые дозорные башни, железные конусообразные крыши

на них, кованные круглые дверные ручки с язычками, сту-
чащими о накладные металлические пластины. Театральная
вычурность выглядела нелепо и пошло, хотя здание было
не лишено стиля, некоторых интересных архитектурных ре-
шений и добротности. Ещё один замок для королевы Ана-
стасии, не слишком ли? Внутри всё выглядело современно,
весьма красиво и комфортно. Антон что-то объяснял, нажи-
мал на экран смартфона, ожидая, что умный дом откликнет-
ся на команду. Постепенно становилось теплее.

— Это камин клал мастер из Таллина. Прямо, как из
фильма про рыцарей и драконов, да?

— Да.

За кованной решеткой появились первые язычки огня.

*Матео заставляет лечь на шкуру, покусывает шею, тре-
бует своего, раздвигая коленом мои ноги*

— Что? – я сжала ладони в кулаки, чтобы не было заметно,
как дрожат пальцы, но возбуждение не походило.

— Я говорю, что на самом деле отец хотел другой проект,
но мама упростила его сделать именно замок. Тогда уже из-
вестен был диагноз, и никто не хотел с ней спорить. Знаешь,
– Антон замер на корточках с поленом в руке, – она часто
говорила, что в этот замок я приведу настоящую королеву, а
потом буду защищать её от страшных драконов, что сам же
заведу для охраны.

Руки продолжали дрожать, я сунула ладони под мышки.

— Сейчас согреешься и мы поужинаем. Только пакеты из

машины занесу. Осмотрись пока.

Но я не могла отвернуться от пламени, набирающего силу. Пусть сейчас войдёт Рори! Пусть улыбнётся и отвесит шуточный поклон.

— *Как вам спалось, миледи?*

— *Ох, Рори, даже не спрашивай. Где мой супруг?*

— *Приехали бароны Доссеты, жалуются на баронов Сирлингов. Кто-то у кого-то украл нескольких коров.*

— и с маслом. Настя, ты где?

— Ой, прости, задумалась. Здесь всё так необычно, как в кино.

— Говорил же, что ты полюбишь это место!

— Можно мы сюда Ларку привезём?

— Нужно! Они с Генри будут смотреться органично. Хочешь немного красного?

— Глоточек.

Ранний подъём тому виной, или свежий воздух, но я уснула в стоящем перед камином кресле. Треск поленьев уносил меня в воспоминания. Мультишный волк неправильно понял просьбу. Глупый он, лучше бы Ахон Муртазович зайца сваял, тот хоть посообразительнее.

День пролетел незаметно. Дом и вправду был хорош и удобен, легко впустил в себя, осталось только решиться на то, ради чего Ковалевский привёз меня в это место. Он зашёл в душевую кабину и принялся намыливать мне плечи и спину, пытаюсь расслабить, но пульт управления Анастасией Ми-

хайловой был не в теле – в голове. Нежные ласки, горячие поцелуи, настойчивое подталкивание к кровати, лихорадочный шёпот совсем не тронули. Я жалела Антона, но притворяться не могла – не было душевных сил обидеть ложью человека, который искал искренности. Но постепенно тело оттаяло и принялось отзываться на старания мужчины возбудить женщину. Тело, но не я. Настоящая Настя стояла рядом с дизайнерской кроватью и равнодушно смотрела, как её собственная плоть предавала Матео, вздрагивала и дрожала, как принимала в себя чужака, как истово отдавалась и переживала пик наслаждения.

Антон долго целовал после, гладил, шептал сбивчивые признания и благодарности, а внутри меня нарастала волна ужаса.

Что я только что сделала? Зачем?

Ковалевский уснул, уткнувшись в подушку лицом, а я накинула халат, спустилась вниз и налила большой бокал красного. Аведин не сможет больше вернуться за мной – денег было уплачено за одно путешествие, да и теперь, наверное, он, потративший свое жизненное время на мое спасение, стал совсем стариком. Матео женится на другой, Костано сопьется, Рори Рори пойдет в услужение новой королеве. Никто не вернется, и ничто. Нужно помянуть прошлую жизнь и привыкать к новой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.